

Л. Калюжная

Гончаров Иван Александрович (1812–1891)

Иван Александрович Гончаров родился 6 (18) июня 1812 в Симбирске в семье зажиточного купца, неоднократно избиравшегося городским головой. В пятидесятилетнем возрасте бездетный Александр Иванович, овдовев, женился вторым браком на матери будущего писателя, девятнадцатилетней Авдотье Матвеевне Шахториной, тоже из купеческого звания. Она подарила мужу четверых детей. Когда Ивану исполнилось девять лет, отец умер. Воспитателем сирот стал их крестный отец — помещик Николай Николаевич Трегубов, отставной моряк и надворный советник. Старый холостяк, он обожал детей и оставил о себе у писателя самые нежные воспоминания, как человек «редкой, возвышенной души, природного благородства и вместе добрейшего, прекрасного сердца».

Начальное обучение Иван Гончаров получил в частном пансионе священника отца Федора (Троицкого). Там пристрастился к чтению: Державин, Жуковский, Тасс, Стерн, богословские сочинения, книги о путешествиях... в 1822 Авдотья Матвеевна, надеясь, что сын пойдет по стопам отца, определила его в Московское коммерческое училище. Промаявшись там восемь лет, Иван уговорил мать написать прошение о его увольнении, и в 1831 поступил на словесное отделение Московского университета. В следующем году состоялась его первая публикация в журнале «Телескоп» — перевод нескольких глав из романа Эжена Сю «Атар-Гюль». Трудно сказать, было ли это проявлением литературных амбиций или просто формой заработка. В одно время с ним в университете учились Герцен, Огарев, Белинский, Лермонтов, и кажется странным, что он остался с ними незнаком. Впрочем, по его словам, учился он «патриархально и просто: ходили в университет, как к источнику за водой, запасались знанием, кто как мог...».

После окончания университета Гончаров вернулся в Симбирск, попробовал служить секретарем канцелярии у губернатора, но, не найдя соответствующей своим интересам среды, через год уехал в Петербург и поступил на службу в Министерство финансов переводчиком. Читая его письма той поры о трудностях жизни «с мучительными ежедневными помыслами о том, будут ли в свое время дрова, сапоги, окупится ли теплая, заказанная у портного шинель в долг...», убеждаешься в буквальности известной фразы Достоевского, что вся русская литературы вышла из гоголевской «Шинели». В свободное время он много писал — «без всякой практической цели», потом бесчисленными черновиками топил печь, испытывая болезненные сомнения в своем даре. Позже он заметит: «...Литератору, если он претендует не на дилетантизм... а на серьезное значение, надо положить на это дело чуть не всего себя и не всю жизнь!»

Подрабатывая уроками, Гончаров попал в дом известного академика живописи Николая Аполлоновича Майкова — как учитель русской словесности и латыни его детей, среди которых были будущие поэт Аполлон Майков и критик Валериан Майков. Застенчивый Иван Александрович был принят в их семействе как равный (Майковы принадлежали к древнему дворянскому роду, еще в XV веке его прославил преподобный Нил Сорский, в миру Майков). В их доме образовался своеобразный художественный салон, и молодой преподаватель, неожиданно обнаруживший большую начитанность и талант рассказчика, стал в нем едва ли не законодателем литературного вкуса. Здесь он познакомился с юным поэтом Владимиром Бенедиктовым, начинающим писателем Иваном Панаевым, выступал как поэт (анонимно) в рукописных журналах кружка Майковых «Подснежник» и «Лунные ночи». Одно из своих стихотворений той поры «Тоска и радость» в пародийном виде будет подарено им впоследствии герою «Обыкновенной истории» Александру Адуеву.

Судя по всему, Гончаров долго сомневался в себе как в писателе: написанный в 1842 «физиологический очерк» «Иван Савич Поджабрин» он не спешил публиковать, а начатый роман «Старики» так и остался неоконченным, хотя его всячески подбадривал в письмах близкий друг В.А. Солоницын: «Вы... только по лености и неуместному сомнению в своих силах не оканчиваете романа, который начали так блистательно. То, что вы написали, обнаруживает прекрасный талант».

Уверенность в своих силах Иван Гончаров обрел благодаря знакомству с Белинским, которого очень высоко ценил как критика и трибуна, хотя в политических взглядах они не сходились. Гончаров признавался, что «никогда не увлекался юношескими утопиями в социальном духе идеального равенства... не давал веры... материализму — и всему тому, что любили из него выводить». Однако это не помешало ему в 1845 «с ужасным волнением» передать на суд критику роман «Обыкновенная история», как не помешало и Белинскому его оценить. По свидетельству Ивана Панаева, тот «был в восторге от нового таланта» и тут же предложил рукопись опубликовать. Роман вышел в 1847 в самом популярном журнале того времени «Современник» и, что называется, попал в диалог времени о романтиках и реалистах.

В своем романе Гончаров никого не обличал, он просто показал молодого дворянина Александра Адуева, провинциала, приехавшего в Петербург с тетрадкой стихов, локоном возлюбленной и смутными мечтами о славе, которого столичная жизнь «успокоила» выгодной женитьбой и чиновничьей карьерой. Действительно — обыкновенная история. Однако в этой истории критика увидела исторический симптом: беспомощные идеалисты-романтики 1830-х годов, которых Белинский называл «Ленскими», уходили в прошлое, а на их место приходили люди более трезвого склада.

Одновременно с романом Гончарова вышел более «революционный» роман Герцена (Искандера), в название которого был вынесен вечный для России вопрос «Кто виноват?». И надо отдать должное Белинскому как критику, который судил о литературе по художественным признакам (следующий «властитель дум» Чернышевский в своих оценках уже будет более «партиен»). Сравнивая эти два произведения, Белинский писал: «В таланте Искандера поэзия — агент второстепенный, а главный — мысль; в таланте г. Гончарова поэзия — агент первый и единственный... К особенным его достоинствам принадлежит, между прочим, язык чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся».

Опубликованный в 1848 в «Современнике» «Иван Савич Поджабрин» вызвал неодобрительные отзывы. В следующем году там же вышла глава «Сон Обломова» из начатого романа. Это была многообещающая заявка, но весь роман читателям пришлось ждать еще десять лет.

Неожиданно писатель соглашается на должность секретаря при адмирале Е.В. Путятине и 7 октября 1852 вместе с ним отправляется в кругосветное плавание на фрегате «Паллада». Он побывал в Англии, Японии, «набил целый портфель путевыми записками». Очерки о путешествии публиковал в различных журналах, а позже выпустил отдельной книгой под названием «Фрегат «Паллада» (1858), которая была встречена с большим интересом.

Крымская война, начавшаяся в 1853, прервала плавание, и Гончаров через Сибирь (где побывал у декабристов Волконских, Трубецких, Якушкина и др.) вернулся в Петербург и продолжил службу в Департаменте столоначальником. В набросках у него уже были два романа — «Обломов» и «Обрыв», но работа над ними почти не продвигалась. Спасти писателя «от канцеляризма, в котором он погибает», взялся литератор и цензор А.В. Никитенко. С его помощью в 1855 Гончаров поступил на должность цензора в Петербургский цензурный комитет. Это несколько скомпрометировало Гончарова в глазах литераторов. В.Г. Короленко вспоминал: «В этом ведомстве в свое время перебивало много писателей. Но между тем как С.Т. Аксаков, например, все-таки боролся за литературу, цензору Никитенку литература действительно кое-чем обязана, — Гончаров был самым исполнительным и робким чиновником». О нем

даже ходили такие куплеты: «О ты, что принял имя Слова, / Мы просим твоего покрова: / Избави нас от похвалы / Позорной «Северной пчелы» / И от цензуры... Гончарова!» (Это не совсем справедливо. По настоянию Гончарова вышли в свет ранее запрещенные цензурой произведения Лермонтова «Боярин Орша», «Ангел смерти», без единой помарки им была допущена в печать повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» и многое другое, а что касается его резких отзывов о публицистическом направлении «Современника» и «Русского слова» с их «ребяческим рвением... провести в публику запретные плоды... жалких и несостоятельных доктрин материализма, социализма и коммунизма», так это были его искренние убеждения, которым он никогда не изменял.)

Литературная работа наконец стронулась с места вследствие удивительных, прямо скажем, событий. Летом 1857 Гончаров уезжает «на воды» в Мариенбад и оттуда шлет своему другу Льховскому письма весьма несвойственного для него содержания: «Волнение мое доходит до бешенства... я едва могу сидеть на месте, меряю комнату большими шагами, голова кипит...» И далее сообщает, что собирается отправиться с некоей дамой «во Франкфурт, потом в Швейцарию или прямо в Париж, не знаю: все будет зависеть от того, овладею я ею или нет». Вот такая, невероятная для его натуры, решительность!

В то время русскому писателю, уже зачисленному в классики, исполнилось сорок пять лет, он был закоренелый холостяк, характер имел, мягко говоря, размеренный, постепенный, облик... Да вот как он сам себя описал в финале «Обломова»: «...литератор, полный, с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами». Достоевский в одном из писем обрисовал его еще более выразительно: «Джентльмен... с душою чиновника, без идей и с глазами вареной рыбы, которого Бог будто на смех одарил блестящим талантом». А тут вдруг: «Едва выпью свои три кружки и избегаю весь Мариенбад с шести до девяти часов, едва мимоходом напьюсь чаю, как беру сигару — и к ней...»

Кто же «она», возбудившая столь сильные чувства в апатичном литераторе? Признание отыскалось в письме Гончарова к Ю.Д. Ефремовой из того же Мариенбада: «...Сильно занят здесь одной женщиной, Ольгой Сергеевной Ильинской, и живу, дышу только ею... Эта Ильинская не кто другая, как любовь Обломова». Трудно поверить, что литературная героиня могла вызвать столь сильный огонь в крови. Позже в письме тому же Льховскому Иван Александрович, как-то по-мальчишески замечая следы, будет уверять, что, когда он писал Ольгу Сергеевну, ему и в голову не приходила Елизавета Васильевна. Вот, пожалуй, и разгадка.

С Елизаветой Васильевной Толстой Гончаров познакомился в доме Майковых еще в бытность свою учителем. Начинаящий беллетрист пожелал четырнадцатилетней Лизоньке в ее альбоме «святой и безмятежной будущности», подписавшись — де Лень (хотя «гения лени» Обломова еще и в замысле не было). Через десять лет, в 1855, он снова встретился с ней у Майковых и между ними завязалась «дружба» (именно на таком определении их отношений он настаивал). Писатель водил ее в театры, посылал ей книги и журналы, просвещал в вопросах искусства, в ответ она давала ему читать свои дневники, он говорил ей, что их отношения похожи на историю Пигмалиона и Галатеи...

Когда Елизавета Васильевна уехала домой в Москву, вдогонку ей понеслись письма. (Ее ответные письма Гончаров перед смертью сжег, его же послания через двадцать лет после смерти писателя были опубликованы и вызвали настоящую сенсацию как еще один, но уже настоящий, роман Гончарова.) в одном из них он послал ей целую главу из романа «Pour et contre» («За и против»), который якобы в то время писал, и сообщал, что только от нее зависит, чем этот роман разрешится... А суть романа он объяснял так: его некий (вымышленный) приятель, влюбленный в Елизавету Васильевну, поверяет ему, Гончарову, свои чувства, писатель же выступает между ними не более чем объективный посредник и летописец...

Словом, осторожнейший Иван Александрович настолько «залитературил» свою любовь к Елизавете Васильевне, что из этого ничего по-житейски путного не вышло, зато вышел наконец «Обломов». Роман, который не писался десять лет, был завершен в Мариенбаде за 7 недель, благодаря еще раз пережитому чувству, передоверенному сокровенному герою Илье Ильичу Обломову, а Елизавете Васильевне русская литература обязана замечательным образом Ольги Ильинской.

Следующие десять лет ушли у Гончарова на завершение романа «Обрыв». Он вышел в журнале «Вестник Европы» в 1869, а в 1870 — отдельным изданием. Произведение, затронувшее такие новые явления в российской жизни, как нигилизм и эмансипация женщины, вызвало бурные споры в критике и не менее бурную популярность у читателей «За очередной книжкой «Вестника Европы», где печатался роман, «посланные от подписчиков» ходили с раннего утра, как в булочную, толпами», — вспоминал современник.

«Обрыв» остался последним художественным произведением великого романиста. Гончарову было отпущено Богом еще двадцать лет жизни, но в печати он почти не выступал, по своей врожденной скромности считая себя устаревшим и забытым писателем. В 1870 Сергей Михайлович Третьяков заказал портрет Гончарова художнику Крамскому для своей галереи. Писатель отказался: «...Я не сознаю за собой такой важной заслуги в литературе, чтобы она заслуживала портрета, хотя и счастлив простодушно от всякого знака внимания, оказанного моему дарованию (умеренному)... Во всей литературной плеяде от Белинского, Тургенева, графов Льва и Алексея Толстых, Островского, Писемского, Григоровича, Некрасова — может быть — и я имею некоторую долю значения, но взятый отдельно и в оригинале и на портрете я буду представлять неважную фигуру...» (и тут незабвенный Илья Ильич: «Он опять поглядел в зеркало. «Этаких не любят!» — сказал он.) Только через четыре года Третьякову удалось его уговорить.

Иван Александрович так и не завел семьи. Когда в 1878 умер его слуга Карл Трейгут, оставив вдову с тремя малолетними детьми, писатель взял на себя заботу о них — эти дети были обязаны ему и воспитанием, и образованием. За несколько лет до смерти Гончаров печатно обратился ко всем своим адресатам с просьбой уничтожить имеющиеся у них письма и сам сжег значительную часть своего архива. Только благодаря потомкам Карла Трейгута, бережно сохранившим до наших дней личные вещи писателя и при их участии в 1982 в Ульяновске (Симбирске) был открыт литературно-мемориальный музей Гончарова.

Умер Иван Александрович Гончаров 15 (27) сентября 1891 в Петербурге и был похоронен в Александро-Невской лавре; в 1956 его прах перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.